

Дарья Щедрина

Бальзам от трусости

о любви с юмором

Дарья Щедрина

**Бальзам от трусости.
О любви с юмором**

«Издательские решения»

Щедрина Д.

Бальзам от трусости. О любви с юмором / Д. Щедрина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938413-3

Любовь — единственная в мире болезнь, от которой никто не стремится выздороветь. И даже если обстоятельства этого заболевания неожиданны, забавны или смешны, герои историй, рассказанных в этой книге, готовы пройти через все испытания, лишь бы вирус любви не покинул их больше никогда.

ISBN 978-5-44-938413-3

© Щедрина Д.
© Издательские решения

Содержание

Бальзам от трусости	6
Эти глаза напротив...	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Бальзам от трусости О любви с юмором

Дарья Щедрина

© Дарья Щедрина, 2018

ISBN 978-5-4493-8413-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бальзам от трусости

Лиля Зайцева была несчастнейшим человеком на свете, по крайней мере она сама так считала. И основным несчастьем ее жизни был страх. Утром того дня ее поймала в коридоре старшая медсестра отделения кардиологии, в котором Лиля работала медсестрой, Нина Николаевна и велела поставить капельницу больному из платной палаты. Лиля, которая до дрожи в коленках боялась суровую и требовательную начальницу, открыла было рот, чтобы возразить, но страх парализовал ее. Вот уже две недели пациент из платной палаты терроризировал все отделение: доводил до слез медсестер бесконечными придирками, критиковал работу врачей, грозил написать жалобу на заведующего отделением и главного врача больницы. А фамилия у этого больного была... Благодоров! И вот теперь дошла очередь и до Лили Зайцевой терпеть выкрутасы Благодорова. Почувствовав себя между суровой начальницей и вредным больным как между молотом и наковальней, Лиля потрясенно молчала. А Нина Николаевна воспользовалась моментом, не услышав возражений, кивнула и ушла, оставив Лилю одну с ее новой проблемой.

С громко бьющимся сердцем вошла она в платную палату и попыталась поставить капельницу немолодому, с недовольным выражением лица пациенту, с царственным величием возлежавшему на кровати. Едва игла коснулась кожи, как больной вскрикнул и дернул рукой. Игла проткнула вену. Что тут началось! Благодоров (это не фамилия а просто насмешка судьбы!) кричал, ругался, оскорблял неуклюжую медсестру. А Лиля Зайцева сначала остолбенела от ужаса, потом лицо ее пошло красными пятнами, подбородок задрожал, а в глазах стало горячо и мокро. Лиля бросилась вон из палаты, пытаясь скрыться от несущихся в ее спину несправедливых обвинений. На фразе «криворукая каракатица!» она захлопнула за собой дверь и побежала рыдать в сестринскую.

Проплакав полчаса в закутке за шкафом, в котором медсестры вешали свою одежду приходя на дежурство, Лиля отправилась в реанимацию к своей подруге Кате. С Катей они вместе росли в детдоме, потом вместе учились в медучилище, а теперь вместе работали в городской больнице, только Катя дежурила в реанимации. Катя была не только лучшей подругой Лили, но и палочкой-выручалочкой во всех неприятностях.

– Катя, выручай! – взмолилась Лиля, шмыгая раскрасневшимся от слез носом, – Поставь вместо меня капельницу Благодорову из платной палаты, пожалуйста! Я его боюсь!

– А чего его бояться? – удивилась Катя. – Он же больной. Его жалеть надо, а не бояться.

– Он меня криворукой каракатицей назвал!

– А-а-а, ну тогда ладно, – согласилась добрая подруга, искренне посочувствовав Лиле, – А ты пока посиди здесь за меня. Видишь, тут только один пациент.

На единственной из трех занятой койке лежал молодой парень и читал книжку.

– А что это он такой молодой делает в реанимации? – тихо спросила Лиля.

– У него какая-то редкая болезнь, – шепотом, чтобы никто не услышал, ответила Катя, – сердце периодически внезапно останавливается, и он падает и отключается. В любой момент и в любом месте такое случиться может.

– Надо же... – сочувственно всплеснула руками Лиля, прижав их к груди.

– Помочь ему можно, если установить какой-то хитрый кардиостимулятор. А это импортная и очень дорогая штука. Государство такие операции не оплачивает. Ну, а денег у него, как человека простого, нет. Вот такая тупиковая ситуация!

Катя направилась спасать подругу, а Лиля взглянула на невезучего пациента. Тот отложил книжку и удивленно посмотрел на новую медсестру. Рыжие, цвета начищенной меди, волосы ореолом окружали его голову на белой подушке, лицо покрывали жизнерадостные веснушки,

а глаза были цвета гречишного меда. Симпатия! Но Лиля сурово нахмурила брови и предупредила:

- Вы только не вздумайте падать и отключаться, пока Катя не вернется, а то я боюсь!
- Постараюсь, – ответил парень с обаятельной улыбкой. – только ради вас!

Выйдя из больницы после дежурства, Лиля увидела на скамейке в скверике влюбленную парочку, самозабвенно целующуюся в желтом фонарном свете. Катя со своим Сережкой. Лиля вздохнула, чувствуя, как падает градус ее настроения. Ну как не завидовать счастливой подруге, у которой есть такой замечательный жених? Он ее каждый раз встречает после дежурства. А вот у меня, грустно думала Лиля, медленно идя по шуршащей сброшенной осенней листвой аллее на автобусную остановку, никого нет. Никто ее не встречал с работы, даже не приглашал на свидание. И все из-за дурацкого страха! Еще во время учебы в медучилище ее попытался пригласить на свидание будущий рентген-лаборант Сидоров, но она так испугалась от неожиданности, что ответила отказом. Сидоров пожал плечами и больше не настаивал. Так кончились, еще не начавшись, ее романтические отношения.

В набитом автобусе крупногабаритная тетка с хозяйственными сумками отдавила Лиле ногу, какой-то длинный, неопределенного возраста, заросший седоватой бородой субъект пихнул ее в бок острым локтем. Выйдя из автобуса на своей остановке под мелкий морсящий дождик, она устало плелась по тротуару, когда мимо на большой скорости пронесся внедорожник, задев правыми колесами лужу и окатив веером грязных брызг оторопевшую от неожиданности Лиле с головы до ног. По плащу, пусть старому, пусть немодному, но такому любимому, светло серому плащу растекались отвратительные коричневые капли. И ей стало так отчаянно жалко себя, она почувствовала себя такой несчастной, одинокой и безвинно обиженной, что жгучая влага, давно копившаяся в глубине глаз и рвущаяся наружу, хлынула наконец светлыми, нескончаемыми потоками по щекам.

В квартиру Лиля вошла, громко всхлипывая и подвывая от ощущения вселенской несправедливости.

– Что случилось? – участливо поинтересовалась соседка по коммунальной квартире Зинаида Павловна.

Баба Зина, как просила называть себя Зинаида Павловна, была единственным светлым пятном в безрадостной жизни Лили Зайцевой. Пережившая в раннем детстве блокаду в Ленинграде, баба Зина на всю жизнь приобрела такую устойчивость к жизненным трудностям, что в любой ситуации, при встрече с любой проблемой говорила: «Ерунда! Справимся. Где наша не пропадала?!». Потеряв единственного сына, погибшего под колесами автомобиля с пьяным водителем за рулем, пережив любимого мужа, Зинаида Павловна оставалась жизнерадостной оптимисткой, окруженная друзьями и поклонниками. Год назад она в искреннем душевном порыве вступила в партию «Зеленых», активно занималась скандинавской ходьбой и регулярно посещала салон красоты «Весна» на соседней улице. К соседке Лиле она относилась с теплотой и заботой, как к собственной внучке.

– Как жить, когда все так плохо? – всхлипывая, вопрошала Лиля, обессиленно опустившись на табуретку в коридоре.

– Ну, во-первых, надо застирать плащ, пока грязь не засохла, а во-вторых, надо попить чайку! – ответила мудрая баба Зина.

За чашкой ароматного чая с травками, который специально заварила Зинаида Павловна «от нервов», Лиля рассказала о всех своих бедах. Баба Зина подливала чай в ее кружку и сочувственно кивала головой.

– Все люди как люди, – сокрушалась Лиля, – а я хуже всех.

– Это почему же хуже всех? – Баба Зина вздернула аккуратно подрисованные карандашом бровки над дугами очков.

– Потому, что я толстая, не красивая и, к тому же, трусиха! И фамилия у меня трусливая – Зайцева...

Зинаида Павловна с удивлением посмотрела на свою молодую соседку. На ее взгляд, девушка была очень даже симпатичной, но красота ее была тихой, неброской, скромной, из ряда тех, что не каждый и не сразу заметит, а заметив, прикипает сердцем навсегда.

– Ну, это не беда. С этим легко справиться!

– Как легко? – удивилась Лиля. Почему-то от слов бабы Зины все безбрежное море ее страдания показалось небольшим озером, или даже обычным прудом.

– Во-первых, чтобы не быть толстой, перестаем есть это, – хитро подмигнув, Зинаида Павловна взялась за стоящую на столе вазочку с печеньем и потянула ее со стола. Лилка тут же схватила за вазочку с другой стороны и потянула обратно.

– Хотите лишить меня единственной радости в жизни? – упрекнула она соседку.

– Дурочка ты, глупенькая! Хочу, чтобы в твоей жизни было много радостей. – Но вазочку вернула на место. – Хочешь быть красивой? Сходи в парикмахерскую, сделай хоть небольшой макияж. Хочешь, подарю тебе губную помаду?

– Мне это не поможет! – с трагическим выражением произнесла Лиля.

– А я говорю, поможет! А вот на счет трусости... – выражение лица Зинаиды Павловны стало таинственным и загадочным, – Есть у меня одна интересная мыслишка...

В следующее воскресенье Зинаида Павловна вместе с Лилей отправились за город осуществлять некий «план». В чем заключался этот самый «план» баба Зина не сказала, только таинственно улыбалась и подмигивала левым глазом. Выйдя из электрички на маленькой, мокрой от дождя и продуваемой всеми ветрами железнодорожной платформе, отправились пешком в ближайший дачный поселок.

Пока шли по усыпанной осенней листвой улице между огороженными высокими сетчатыми заборами дачными участками, Зинаида Павловна рассказала, что здесь, в поселке, у нее живет подруга, настоящая потомственная колдунья и гадалка. И, если ее как следует попросить, то Олимпиада Кирилловна, как звали колдунью, избавит Лилю от всех проблем. У Лилки от страха, удивления и любопытства часто-часто застучало сердце и взмокли ладони.

Олимпиада Кирилловна, встретившая их на крыльце старинного деревянного особнячка, действительно выглядела, как настоящая колдунья: седые кудри обрамляли бледное лицо с горящими таинственным внутренним огнем черными, как угли, глазами, длинные цыганские серьги мелодично позвякивали при каждом ее движении, черное платье в пол с широкими рукавами мелко подолом узорчатые ковры, а на руках она держала огромного черного кота. Животина не мигая уставилась на Лилу зелеными глазищами. Опустив кота на пол, Олимпиада Кирилловна подтолкнула его в сторону приоткрытой двери в комнату и сказала: «Иди, дружок, приготовь все!» И кот пошел, кажется даже кивнул хозяйке.

Обменявшись с гостями приветствиями, хозяйка отвела их в затемненную комнату, где посреди круглого стола, застеленного старинной скатертью с бахромой, были разложены карты и стояли зажженные свечи в тяжелых бронзовых подсвечниках. Неужели это кот зажег свечи? Подумала Лиля, садясь на стул возле стола. Колдунья раскинула карты и стала гадать:

– Вот дама червей, – говорила она низким, грудным, мелодичным голосом, указывая узловатым пальцем с длинным, покрытым фиолетовым лаком, ногтем на карту, – это ты, милочка. А вот казенный дом.

– Тюрьма, что ли? – испуганно встала баба Зина.

– Почему сразу тюрьма? – колдунья бросила на подругу сердитый взгляд темных глаз, – Это может быть любое государственное учреждение, школа, больница...

– Больница! – одновременно воскликнули баба Зина и Лиля, догадавшись, о чем идет речь.

– В казенном доме есть рядом с тобой дама крестей. Есть?
– Есть, – закивала Лиля, – Нина Николаевна, наша старшая медсестра.
– Сердита она на тебя, но бояться ее не стоит. Ничего плохого она тебе не сделает.
– Точно не сделает? – переспросила Лиля для уверенности.
– Точно. Так карты говорят. А вот и червовый король возле тебя, поклонник твой.
– Какой еще поклонник? – удивилась Лилька и сразу стала отбиваться. – Нет у меня никакого поклонника и быть не может! На меня никто внимания не обращает!
– Обращает, только ты об этом пока не знаешь! – примирительно, положив красивую, холеную руку на ладонь девушки, сказала колдунья. – А вот король пик. Неприятный субъект!
– О, это, наверное, Благодрава! – догадалась Лиля.
– Через пикового короля будет у тебя потрясение.
– Что, жалобу на меня напишет главному врачу? – в голосе Лили сразу задрожали слезы.
– Про жалобу тут ничего не сказано. Потрясение и все! Но все кончится хорошо. За королем пик идет король червей, то есть жди, девица, любви. Встретишь ты со дня на день своего суженного.

– Вот видишь! – баба Зина громко и щеотно зашептала на ухо Лиле, – Это ж карты говорят! А картам надо верить!

Лиля недоверчиво пожала плечами. Таинственный поклонник занимал ее куда меньше, чем пиковый Благодрава с угрозой потрясения. Какой же еще гадости можно ждать от этого капризного и вредного субъекта?

После гадания пили чай из тонких фарфоровых чашек перед живописным камином, задумчиво глядя в окно, где безжалостный ветер срывал с деревьев остатки летней красоты, а потом колдунья встала перед Лилей и жестом фокусника извлекла из длинного черного рукава крошечный хрустальный флакончик, заполненный темно-коричневой жидкостью.

– А это тебе, милочка, бальзам от трусости.

Лиля с замирающим сердцем взяла в руки подарок.

– Перед сном выпей половину флакона, не больше!

– Почему только половину? – спросила Лиля, с любопытством рассматривая, как преломляется свет в тонких хрустальных гранях.

– Я его на пятидесяти травах готовила, да пятью заговорами и заклинаниями приправила. Очень сильное средство! С половины флакона от всех своих страхов избавишься, а с целого флакона еще, чего доброго, экстремалкой станешь, будешь свою жизнь прожигать в вечной погоне за адреналином. Так что, соблюдай дозировку, милочка! Я тебя предупредила.

Вернувшись домой поздним вечером, Лиля поставила подарок на тумбочку перед кроватью и долго ходила вокруг него кругами, не решаясь выпить зелье. Как я могу стать экстремалкой? Думала она, вытряхивая по каплям коричневое содержимое флакона с подозрительно знакомым запахом в столовую ложку и прикидывая, есть ли флакона или еще нет? Да во мне столько страхов сидит, что мне надо выпить целый литр этого бальзама, чтобы стать ловцом адреналина! Решила Лиля и выпила весь флакон...

Утром следующего дня она шла на дежурство и прислушивалась к себе: нет ли необычных ощущений в организме, вызванных действием колдовского зелья? Но организм молчал. Правда, столкнувшись в коридоре с Ниной Николаевной, Лиля не почувствовала привычного сердцебиения и, здороваясь с заведующим отделением, ладони ее не взмокли, как обычно... Может, бальзам действует?

Лиля вошла в платную палату, где на кровати сидел Благодрава и читал газету, поздоровалась и поставила штатив для капельницы. Благодрава бросил на нее недовольный взгляд из-под очков, и произнес:

– Вы послушайте, что они пишут, эти мерзавцы! Просто возмутительно!

Слушать его едкие комментарии Лиля не собиралась, поэтому, повернувшись к пациенту спиной, направилась к двери за лекарствами для капельницы. Не успела она сделать и пары шагов, как за спиной ее раздался странный звук, как будто что-то большое и тяжелое упало на пол. Обернувшись, Лилия увидела распростертого на полу Благодрава. Он не дышал, а лицо его быстро бледнело и приобретало голубоватый оттенок. Волна ужаса, родившись где-то в области солнечного сплетения мгновенно поднялась к самому сердцу, но тут же разбилась о невидимую преграду и разлетелась на миллион мелких брызг, а Лилия с удивлением наблюдала за собой как бы со стороны: вот она бросается к двери и, распахнув ее, кричит в коридор – «Вера, скорей зови врачей!»; вот она подбегает к Благодраву и, положив сложенные друг на друга ладони на середину его груди, начинает ритмично надавливать на грудную клетку, наваливаясь всем своим весом и считая про себя; на счет семь зажимает ему нос двумя пальцами правой руки, а левой раскрывает рот и с силой вдывает ему воздух в легкие; и снова давит на грудную клетку. Через показавшиеся вечностью несколько минут в палату вбегают медсестра Вера и молодой доктор Саша из реанимации с дефибриллятором. Еще через минуту Лилия отходит от лежащего пациента, а доктор Саша прикладывает к его груди электроды дефибриллятора. От разряда Благодрав подскакивает и голова его с громким, неприятным стуком, бьется об пол, но зато он сразу приходит в себя и начинает дышать.

– Надо было подушку под голову подложить, – шепчет Лиле на ухо Вера, – а то ведь накатает жалобу в Комитет по здравоохранению, что мы, сволочи такие, шишку ему на затылке поставили, пока жизнь спасали.

Благодрав спустя пару минут уже лежал в своей кровати и растерянно озирался вокруг, словно видел все впервые.

– Ну, что, Федор Александрович, – бодро констатировал доктор Саша, – благодарите Лилию Зайцеву, она вам жизнь сегодня спасла!

Собрав чемодан с дефибриллятором, Саша, довольно улыбаясь, пошел к двери, на ходу подмигнув растерянной Лиле:

– А ты герой, Зайцева! – и вышел из палаты.

Кто герой? Лилия ничего не понимала. Неужели это она, герой? Вместо того, чтобы валяться в обмороке рядом с умирающим Благодравым, она его спасла? И не испугалась?.. Значит бальзам Олимпиады Кирилловны действует?.. Действует!! Радость распирала ее изнутри. По отделению Лилия шла, гордо выпрямив спину и решительно развернув плечи. Ей даже показалось, что она выросла на пару сантиметров. Ну и бальзам...

Вечером перед сном Лилия зашла в платную палату, чтобы измерить несостоявшемуся покойнику давление. Тот тихо лежал в кровати и смиренно подставил руку, давая Лиле одеть на нее манжету тонометра.

– Как у космонавта, – констатировала Лилия с улыбкой, убирая прибор.

– Спасибо вам, Лилия... – вдруг произнес Благодрав, глядя на нее кроткими, благодарными глазами. Чудеса, да и только! – Если бы не вы, я бы уже давал отчет перед Господом.

– Все нормально, Федор Александрович. Все хорошо! – Лилия с удивлением поняла, что ни страха, ни неприязни не испытывает к этому человеку.

– Посидите со мной немного, пожалуйста... – попросил Благодрав, протянув в сторону медсестры слабую руку. Лилия подставила стул к кровати и села. Ну, не могла она отказать человеку, одной ногой побывавшему на том свете.

– Знаете, Лилия, нет там никакого коридора и зовущего света, одна темнота и пустота. К несчастью, и здесь пустота... всю жизнь я доказывал миру, что я чего-то стою, карабкался по карьерной лестнице, потом делал бизнес, предавая друзей, подставляя коллег, главное было, как можно больше заработать. Теперь деньги есть, а ни семьи, ни друзей, ни просто близких людей нет. Я один, как перст. Вы, наверное, заметили, меня здесь ни разу никто не навещил.

А если бы умер, тут бы налетела стая воронья! И в первых рядах были бы мои детки, охочие до папиных денег... Но, как говорится, как воспитал.

Лиля смотрела на этого немолодого, вмиг потерявшего всю свою самоуверенность, разочарованного жизнью человека и жалела его.

– Вот теперь думаю, чем оправдаюсь на Страшном Суде? И ведь деньгами этот суд не купишь.

– А вы сделайте что-нибудь хорошее, но не для себя, а для других и просто так, не за деньги. – посоветовала Лиля. Благоданров посмотрел на нее внимательно.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, например, помогите молодому парню, что лежит сейчас в реанимации. У него сложное заболевание, чтобы выжить, требуется дорогостоящий импортный приборчик, который будет страховать его сердце от остановки. У него таких денег нет.

– И сколько стоит этот приборчик?

– Много! Несколько тысяч баксов.

– И это спасет парню жизнь?

Лиля встала и, легонько пожала Благоданрову руку, собираясь уходить:

– Еще как спасет. И будет у вас на том суде свидетель со стороны защиты.

Спустя месяц Лиля Зайцева вошла в свою палату и увидела на кровати у окна рыжего парня, что когда-то лежал у Кати в реанимации.

– Здравствуйте, сестричка! – приветствовал он ее радостно, как старую знакомую. Волосы цвета начищенной меди ореолом лежали вокруг его головы на белом поле подушки, веснушки щедро украшали добродушное круглое лицо, медово-карие глаза светились каким-то тихим внутренним светом. Симпатяга, одно слово!

– Здравствуйте, – Лиля слегка растерялась, – Как, вы тут?

– Не беспокойтесь, падать и отключаться больше не буду! – уверил ее парень, – Представляете, нашелся добрый человек и за свои деньги приобрел для меня американский кардиостимулятор. Мне три дня назад операцию сделали. Теперь я совершенно здоров.

– Очень рада за вас! – искренне, с улыбкой ответила Лиля. – Говорят же, мир не без добрых людей.

Вернувшись на пост медсестер, она порылась в стопке историй болезни и нашла историю рыжего пациента. Глядя на титульный лист, она даже присвистнула от удивления: фамилия у этого симпатяги была Храбров, Василий Храбров.

В день выписки Храбров подошел к посту, долго топтался в нерешительности, но наконец, смущенно улыбаясь, спросил:

– Лиля, а вы кино любите?

– Люблю, – честно ответила Лиля. – особенно про любовь.

– Тогда я вас приглашаю! Если вы не против, конечно...

Лиля посмотрела на добродушную круглую физиономию, покрытую веснушками и смущенным румянцем, и усмехнулась про себя: неужели все червонные короли такие обаятельные? Лиля взяла листок бумаги и решительно написала свой номер телефона.

– А вы позвоните мне, Вася! – сказала она, бесстрашно протягивая ему листок. Бальзам продолжал действовать...

Накрутив бигуди на только что окрашенные в модный оттенок блонд волосы, Зинаида Павловна засела за телефон.

– Липочка, ты представляешь, – с воодушевлением рассказывала она своей старой подруге, – моя Лилька отправилась в кино с ухажером! Карты то твои правду предсказали. Я

так за нее рада! Девочка то хорошая, добрая, милая, сирота только. Жалко мне ее. Костыми лягу, но жизнь ее устрою! Ты меня знаешь! А кстати, Олимпиада Кирилловна, ты чего там в этот бальзамчик то намешала? Любопытно даже... Настойку пустырника с валерьянкой? И флакончик из-под французских духов?.. Такая ерунда, а как подействовало! Ну, Кирилловна, ты настоящая колдунья!..

Эти глаза напротив...

Толпа народа, подхватив Глеба, внесла его в вагон и втиснула в уголок между дверью и боковиной пассажирских сидений, прижав спиной к прохладной поверхности дверей. Поезд тронулся, и Глеб с облегчением выдохнул. Давка в метро в час пик была привычным делом. И каждый раз, возвращаясь с работы, он настраивал себя на 40 минут тычков в спину, острых локтей в бок, жестких ребер чьих-то портфелей и чемоданов по ногам, а еще духоты и спешки, шума и тряски.

Место у двери можно было назвать козырным, ведь с двух сторон он был защищен. Глеб немного расслабился, с удивлением осознав, что даже в такой толпе можно ощущать себя совершенно изолированным и закрытым, будто от окружающей действительности тебя отделяет невидимая стена или кокон.

Уютно устроившись, он огляделся по сторонам и вдруг в нескольких шагах от себя увидел женщину. Она цеплялась за поручень, обессилено припав виском к собственной руке, плотно сжатая с трех сторон людьми. Темные волосы до плеч, усталое милое лицо, тонкий нос с легкой горбинкой, голубоватые тени от длинных ресниц на скулах, нежный овал лица... Глеб залюбовался незнакомкой и не заметил, что слишком пристально рассматривает ее.

Под мерный перестук колес и ритмичное покачивание вагона он размышлял о женщине. Позади трудный рабочий день. А что ждет ее впереди?.. Скорее всего, ужин в кругу большой и шумной семьи. Она будет крутиться на кухне, готовя еду, а вернувшиеся со школы дети и пришедший с работы муж будут грузить ее своими проблемами. После ужина все долго будут препираться, кому выгуливать жалобно скулящего под дверью пса? А она будет мечтать о том, что, когда все уймется и разойдутся по своим комнатам, уткнувшись в компьютеры, она вымоет посуду и уйдет в ванную. Наполнит ванну горячей водой с ароматной пеной и хоть на полчаса останется одна, отгородившись от всего мира. Она будет, лежа в ванной, дуть на легкую воздушную пену, и белые, крошечные комочки, отрываясь от ее пальцев и, легко планируя в воздухе, точно кусочки манны небесной, будут прилипать к кафельным стенам или ее влажным темным волосам. И она, наивная, будет наслаждаться одиночеством, полагая, что это и есть счастье.

Незнакомка скользнула взглядом по Глебу, и он скромно отвел глаза в сторону. Он вовсе не хотел тревожить ее. Просто в ее лице было что-то такое, что трудно было не смотреть. Может, его заворожала глубина ее карих глаз или бледные, напряженные губы? Интересно, думал Глеб, снова возвращаясь к созерцанию незнакомки, если долго целовать эти губы, бледность и напряжение покинут их? И тут же усмехнулся про себя: эка тебя занесло, Глеб Викторович!

Татьяна почти висела на поручне. Потому что сил стоять на ногах уже не было. Этот бестолковый, суетливый рабочий день вымотал ее и опустошил. А тут еще тащиться в метро почти час! Она тяжело вздохнула и наткнулась на чей-то пристальный взгляд. В нескольких шагах от нее стоял мужчина и беззастенчиво рассматривал ее. Под сорок, в классическом костюме и галстуке. Вполне интеллигентное лицо, очки в тонкой золотой оправе. Гладкий какой-то. Пристальный взгляд и эта гладкость ее раздражали.

Ну что он на нее уставился? У нее что-то не так с лицом? Татьяна бросила быстрый взгляд на свое отражение в темном оконном стекле. Ну, да, не первой молодости, и волосы растрепались, и помада совсем стерлась, а под правым глазом темное пятнышко размазанной туши. Но это не дает ему право так рассматривать ее! Это же неприлично! Она зло сощурилась и метнула в его сторону острый взгляд. Мужчина, слегка смутившись, отвел глаза. Вот так-то! И нечего на нее пялиться! Знаем мы таких. Небось, дома жена ждет со свежее испеченными пирогами, дети скучают по папочке, а он на посторонних женщин пялится!

О, Татьяне хорошо был знаком такой тип мужчин. С виду примерный семьянин, располагающий к себе открытым взглядом и доброй улыбкой, а самого так и тянет налево. И ни одной возможности мимо себя не пропустит. А чем такие реализованные возможности заканчиваются, Татьяна знала не понаслышке. Два часа счастья в неделю, и то, если повезет, и долгие годы напрасного ожидания и призрачных надежд. И в результате ты остаешься одна в ворохе лживых обещаний и утраченных иллюзий, а он возвращается в лоно семьи к жениным пирогам. Перед тобой уже маячит призрак старости, а ты одна, совершенно одна...

Вот ведь упорный! Опять смотрит. Татьяна подняла голову, развернула плечи и тоже уставилась на типа в галстук, буравя его взглядом. Ну, вы подумайте, какой наглец! Смотрит и улыбается. Она еле сдержалась, чтобы не высунуть язык в его сторону. Но это было бы совсем уж по-детски. Недовольно нахмутив брови, Татьяна стала рассматривать наглеца. Таких гладких обычно называли «мужчина приятной наружности». Хоть бы небрит был или пятно на галстуке от кофе обнаружилось. Так ведь нет! Аккуратный до противности. А Татьяне так хотелось найти хоть какую-то шероховатость в его облике.

Глеб, встретившись глазами с рассерженной незнакомкой, отвернулся, злясь на себя за то, что краснеет под ее взглядом, как мальчишка. А сердце ёкнуло и застучало в ускоренном темпе. Точно его застали за подсматриванием в шелку женской душевой. Что за идиотизм! Да что с ним такое сегодня? К счастью поезд подъезжал к станции пересадки. Толпа сконцентрировалась, сосредоточилась и двинулась к дверям, напирая на первые ряды.

Подхваченная толпой, незнакомка оказалась как раз перед Глебом. Он вдохнул запах ее волос, такой же нежный и притягательный, как и весь ее облик. Перед самыми его глазами на мочке маленького розового ушка покачивалась хрустальная капелька сережки. Он почувствовал, как невидимая, неуловимая нить привязывает его к этой самой капельке, и он готов идти за ней куда угодно, хоть на край света. Поезд резко затормозил, спрессовав несчастную толпу, незнакомка качнулась в его сторону, почти упав ему на грудь, и острый каблук ее туфельки безжалостно вонзился в его ногу.

Оказавшись перед наглецом в галстук, Татьяна с усилием держала спину прямо, лишь бы он не заметил, как она разволновалась под его взглядами. Ее чуткие ноздри уловили довольно приятный запах мужского парфюма. Но то, что запах оказался приятным, только еще больше рассердило ее. И когда вагон качнулся, прижав ее спиной к его груди, она чуть не вскрикнула от возмущения и с удовольствием впечатала в его ногу шпильку каблука. За спиной раздался нечленораздельный булькающий звук, похожий на всхлип. Так тебе и надо!! Мысленно Татьяна скорчила торжествующую мину и, увлекаемая толпой, в следующую секунду оказалась на платформе станции пересадки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.